

ЛЮБОВЬ

Матфей 9,9-13:

9 Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним.

10 И когда Иисус возлежал в доме, многие мытари и грешники пришли и возлегли с Ним и учениками Его.

11 Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?

12 Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные,

13 пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.

ПОДЛИННАЯ ЛЮБОВЬ

1.

«Мытари и грешники», - в христианской традиции эти слова стали почти хвалебными. Особенно по сравнению с «фарисеями и книжниками». Однако изначально ничего положительного в этих словах нет. В них подразумеваются люди, которым просто нельзя пожимать руки, не говоря уж о том, чтобы садиться с ними за один стол. Никак нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Просто из гигиенических соображений.

Это не Софьи Мармеладовы или Пышки. Это не благородные разбойники в стиле Робин Гуда или Юрия Деточкина. Это и не Кудияр из «Двенадцати разбойников». Это даже не Пугачев из «Капитанской дочки». Он был хоть и душегубом, но по-своему симпатичным, не лишенным романтического налета душегубом. Нет, ничего подобного. Это люди, которые ничего кроме омерзения не вызывают. Люди, которые утратили человеческий облик.

Это чиновники. Те самые чиновники, которые ради даже своих доходов выселяют жильцов из квартир на мороз, не дают сиротам найти родителей, обрекают людей на смерть в тюрьме. Это те, которые за простое выполнение собственных обязанностей вымогают взятки, - даже с самых обездоленных. Достаточно просто посмотреть на лица этих людей. Они отвратительны. Хитрые, бегающие глазки, впечатавшееся выражение презрения к окружающим, злобная тупость.

Это полицейские из тех, от которых лучше держаться подальше. Они крышуют бандитов и сажают заведомо невиновных. Они разгоняют митинги, избивая стариков и женщин. Они выходят на дорогу со своими жезлами, чтобы собирать дань и при этом едва ли не искренне считают себя опорой правопорядка. О лицах здесь и говорить не приходится. Уж лучше бы они и не поднимали щитков своих шлемов. Даже этот пластик смотрится симпатичнее, чем те пустые маски, что скрываются за ним.

Это так называемые бизнесмены, которые немало смогли разжиться за счет обычных людей, - иногда и откровенным грабежом. Они обладают великолепным талантом подбирать все, что плохо лежит. А плохо лежит все, что лежит не в их карманах. О, у них весьма холеные лица. Косметические салоны существуют не зря. Но от этой холености их лица еще более отвратительны.

Именно таких людей Писание именует «мытарями и грешниками». Говоря на современном языке, это «нерукопожатные» персоны. Ничего, совсем ничего доброго в них нет.

2.

И все же именно с ними мы так часто стремимся встретиться. Желаем пожать им руку. А уж сесть с ними за один стол - едва ли не предел наших мечтаний. Каждый желает войти в мир сильных сего, стать в нем своим. Если уж не для себя самого, то ради общего дела, - ради своей Церкви, своей общины.

Вряд ли кто-то из нас демонстративно откажется пойти на прием к губернатору или иному какому начальнику, - даже если будет знать, что тот насквозь коррумпирован и заботится лишь о своем благополучии. Скорее мы будем всячески польщены таким приглашением. И обязательно на него откликнемся. Придем как миленькие. Не обойдется и без хвалебных речей с нашей стороны. Противно, но что делать? Нельзя же настраивать против себя власть имущих! А вот иметь их своими союзниками очень даже полезно.

Не менее полезно иметь в своих родственниках гаишника, да и просто мента. Пригодится – на случай всяких непредвиденных ситуаций. А их в нашей жизни – как личной, так и в церковной – возникает немало.

О бизнесменах, о богатых и говорить не стоит. Здесь уж все абсолютно ясно. Чем больше их будет в наших общинах, в окружении наших общин тем лучше. И неважно, что они при этом думают. Пусть даже будут уверены, что своими деньгами могут купить себе место в раю. Мы их не сильно будем разубеждать. Главное – чтобы жертвовали на общину, на церковь.

Не удивительно, что успешными считаются те общины и те пасторы, у которых особенно много контактов. Так это называется. А если говорить прямо: это те, кто хорошо умеет находить общий язык с коррумпированными чиновниками, с продажными ментами и с ворами, гордо именующими себя бизнесменами. Без этого в нашем мире никак.

Надо уметь говорить и с этими людьми. Надо уметь стать частью их мира. Завоевать их, их деньги и их влияние для себя.

3.

Что ж, в этом смысле Церковь верно следует за своим Господом. Настолько верно, как в никаком другом. Ведь Он тоже, как рассказывает сегодняшнее Евангелие, очень тесно общался именно с такими людьми, с «мытарями и грешниками». Конечно, а как могло быть иначе? Иисус Христос был первым церковным политиком, который увидел, на кого именно нужно опираться.

Он приходил на собрания мытарей, как мы приходим на прием в администрацию губернатора или в местную полицию, чтобы пожимать руки тем, кого презираем, терпеть не можем, - только, чтобы добиться от них хоть какого-либо благоволения. Если уж мы ничему другому от Христа не научились, - так хоть этому. Хоть в чем-то мы следуем за Ним. Мы любим, ох, любим есть и пить с грешниками и мытарями. Мы почтительно называем их по имени-отчеству, мы всячески рекламируем свою близость с ними. А уж о том, чтобы выделить им почетное место на наших

богослужениях или мероприятиях, - об этом можно промолчать, настолько оно само собой разумеется.

Нам надо научиться продавать себя. Простите, я хотел сказать «подавать»... Но так получилось. Помните, как в романе Пелевина? *«Кое-как встав с коленей, Татарский добрел до стола, взял ручку и прыгающим паучьим почерком записал: Плакат (сюжет клипа): длинный белый лимузин на фоне Храма Христа Спасителя. Его задняя дверца открыта, и из нее бьет свет. Из света высовывается сандалия, почти касающаяся асфальта, и рука, лежащая на ручке двери. Лица не видим. Только свет, машина, рука и нога. Слоган:*

ХРИСТОС СПАСИТЕЛЬ

СОЛИДНЫЙ ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД

Вариант:

ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД

Бросив ручку, Татарский поднял заплаканные глаза в потолок: «Господи, Тебе нравится?»

Нет, Христос не ездил на «Мерседесе», но вот вино и еду тех самых «солидных господ» Он вкушал охотно. И мы охотно следуем Его примеру. Уж не знаю насчет «солидного Господа», но солидную Церковь (можно написать: традиционную, духовно-богатую, - множество всего другого) мы предложить можем.

Да, не здоровые имеют нужду во враче. Но и врач не в здоровых имеет нужду. Здоровые ничего платить не будут. А вот, человек, который хочет отмолить грехи, отмазать себя от страшного суда или просто «защитить традиционные ценности», поскольку так велит генеральная линия, вот в том у нас огромная нужда.

В самом деле, должны же мы хоть в чем-то следовать за Христом? Если уж в остальном не получается, так хоть в том, чтобы есть и пить с мытарями и грешниками!

4.

Но в Писании упоминаются и другие люди. Они стали сегодня ругательным обозначением. Нет в Церкви худшего оскорбления, чем назвать кого-то «фарисеем». Уж лучше «грешником». Грешниками мы именуем себя на каждом богослужении. Это нормально. Но вот, фарисей... Если, пользуясь словами известного анекдота, грешники – это «нормальный такой кошмар», то фарисеи – это «ужас-ужас».

А ведь фарисеи были как раз такими людьми, которые отказывались пожимать руки подонкам. В этом-то их так называемое фарисейство и состояло. И я им завидую. Несмотря ни на что - я хотел бы быть одним из них.

Я завидую их мужеству и их твердости. Они прекрасно знали, на что идут. Но они отказывались хоть как-то признавать оккупантов и коллаборационистов. Они отказывались числить в своих друзьях тех, кто пил кровь своего народа, кто обижал вдов и сирот. Они противопоставляли себя «мытарям и грешникам». За что им в свое время и пришлось заплатить немалую цену.

Я хотел бы иметь мужество отказаться от приглашения на высокий прием, потому что я не согласен с последними действиями властей. Я хотел бы иметь силы спрятать руки за спину, когда

ко мне тянется с рукопожатием бандит, замаскированный под делового человека. Я хотел бы уметь встать между полицейским и тем, на кого он замахивается своей дубинкой.

Я завидую людям, которые умеют в любой ситуации говорить правду и не имеют лицепрятия. Да, я знаю, что кончают они как правило плохо, но – не в церкви будет сказано – черт возьми, я им завидую... И я бы очень хотел быть походить на них, брать с них пример. И, конечно, мне бы очень хотелось, чтобы пример с них брала и вся наша церковь. Чтобы она вставала на сторону правды, на сторону обделенных, на сторону угнетенных. Чтобы она могла убежденно защищать свои святыни. Чтобы она говорила власть и силу имущим то, что она о них думает. Я понимаю, что это утопия, что так в реальном мире не бывает. Но именно таким я хотел бы быть. И именно такой я хотел бы видеть христианскую Церковь.

Я помню, что фарисеи кончили плохо. Я знаю, что в христианстве это ругательное слово. Но мне порой так хочется быть одним из них.

5.

Так что же? Получается, что Христу, как нам, недоставало мужества? Или же Он, как мы, искал политической и экономической выгоды от общения с откровенными подонками? Нет. Он просто этих людей любил. И вот это выбивает у нас из-под ног всякую почву.

Мы можем представить себе все, что угодно. Дипломатичность. Политическое лавирование. Заботу о благосостоянии Церкви, - да и о собственном тоже. Следование заведенному порядку, наконец. Но любовь? Искреннюю? К этим скотам? Я этого представить себе не могу. Да и не слишком хочется.

Любить мента, который, поигрывая, охаживает дубинкой беспомощную женщину? Любить депутата, который обрекает на верную смерть десятки, а то и сотни детей, - только ради того, чтобы исполнить каприз начальства? Любить дельца, который увольняет тысячи рабочих ради не слишком-то и большой выгоды?

Не то, чтобы любить, - я и просто людей видеть в них отказываюсь. А Христос их любил. Он желал их спасения. Он хотел видеть их с Собою в раю. Именно с ними Он хотел праздновать Свой брачный пир. С ними!

Нет, у Господа не было недостатка в мужественности. И лучшей доли, выгоды Он себе не искал. Это точно. Его поступки были поступками любви. Любви к тем, кого любить невозможно. Нет, мы способны пожимать им руки. Мы способны расхваливать их в дежурных речах. Мы ведь не фарисеи какие-то, в конце концов. Но любить их мы не можем. Не до такой степени мы все-таки не фарисеи. Мы готовы с ними есть и пить, даже желаем этого. Но если бы нас поставили при входе в Царство Божье, - пропустили бы мы их внутрь? А Христос не только пропустил. Он ради ним и умер.

Они были Ему дороги. Как люди. Ему было важно не их влияние, не их богатство, не их статус, не их власть. А они сами. Важны, дороги, бесценны. Он видел не тупые, злобные маски, а живые – пусть и искаженные тяжелой жизнью – лица. В шлюхах он видел Соней Мармеладовых, в чокотилах – робин гудов, в продажных чиновниках – любящих мужей и отцов.

Трудно поверить? Мне тоже. Но иначе, - какой во всем этом смысл?

Иисус ел и пил с этим отребьем не потому, что это было полезно. Не потому, что Он хотел кому-то насолить. Не потому, что Он так уж стремился провоцировать. А просто потому, что Он их любил.

б.

Мне омерзительно думать о такой любви. Она кажется куда более отвратительной, чем та, против которой направлены наши последние законы. Куда большим извращением. Но если бы такой любви Христа не было, то надежды не было бы и у меня.

Просто потому, что я не на многим лучше. А то и хуже. Матфей бросил все, когда услышал призыв Иисуса. А я и не подумал. Последовав за Господом, я взял с собою немало из прежнего багажа. Закхей возместил вчетверо тем, кого обидел. Я далеко не уверен, что вообще кому-то что-то возмещал, - даже если чувствовал себя не совсем правым.

И это только так, общие слова. Я знаю за собой столько всякого дурного, чего никогда и ни о ком другом не смогу даже предположить. Это не говоря о том самом полуфарисействе, которое мы уже упоминали. Есть люди, которые меня любят. Но нередко я просыпаюсь ночью в холодном поту (это не преувеличение) от мысли: а любили ли бы они меня, если бы знали меня до самой последней глубины, если бы знали обо мне все?

Я грешник. Нет, не в смысле «меня бедного, грешного человека», как мы произносим на каждом богослужении едва ли не с гордостью: ну конечно, мы ведь не фарисеи. Мы ведь сознаем свои недостатки. Нет, я грешник в полном и страшном смысле этого слова. Ночью, в те самые минуты (пусть даже только в них) я знаю, что я ничем не лучше тех самых продажных бюрократов, ментов-преступников и бандитов под маской деловых людей.

Если у меня и есть хоть какая-то надежда, то это только надежда на то, что Иисус любил их. Этих «нерукопожатных» людей. По-настоящему любил. Только тогда, когда я – вопреки здравому смыслу, вопреки рассудку, вопреки природной брезгливости – осознаю это, только тогда у меня появляется надежда, что Он может любить и меня.